

ГОЛЕМ

Уважаемые Братья и Сестры, свою первую зодческую я посвящаю рассмотрению персонажа иудейской мифологии, Голема (גולם). Рассматривать тему я буду только с точки зрения иудейских философов и богословов.

Существует множество рассказов о Големе. Самый известный из них: пражский раввин Йехудá Лйва бен Бецалéль (или рабби Лёв) создал Голем из глины, взятой на берегу пражской реки Влтавы, для защиты еврейского гетто. Для оживления на его лбу было написано одно из имен бога, либо, по другой версии, слово «emet» («истина» на еврейском языке).

По мере того как Голем Равви Лёва вырастал все больше, он становился все более яростным и начал убивать язычников и сеять страх.

Перед лицом столь явной мощи и насилия, чинимого Големом, император просил Равви Лёва уничтожить Голема, а взамен обещал, что преследования и насилие по отношению к евреям прекратятся. Раввин принял это предложение. Чтобы разрушить Голема, он стер первую букву слова «emet» со лба Голема, получая еврейское слово «met», означающего смерть. Императору ясно дали понять, что пражский Голем остался цел и хранился в гробу на чердаке Старо-новой синагоги в Праге, так что он мог быть снова вызван в случае надобности. Рассказывают, что тело Голема, созданного Равви Лёвом, до сих пор находится на чердаке Старо-новой синагоги в Праге.

Слово «голем» означает буквально: неоформленная вещь; куколка (насекомого); фигура человека (из глины, снега и т. д.); идиот.

Скорее всего, слово произошло от корня «gal», т. е. «груда, куча, груда развалин». Из этого же корня, произошло и другое фундаментальное для иудейской мистики слово — «gilgul», т. е. «круговращение душ», «метаморфозы душ». Возможно, что «круговращение душ» мыслилось как перемена «грубых форм», как оживление поочередно различных «куч», «груд» низшей материи, их временную индивидуализацию.

Исаак Башевис-Зингер, еврейский писатель, пишет о Големе следующее в своей статье «Голем и еврейская метафизика»:

«Иудейская и даже авраамическая (по меньшей мере строго авраамическая) религиозная перспектива характерна именно тем, что Бог в ней всегда и при всех обстоятельствах оказывается внешним, посторонним по отношению к Бытию, как в случае Вселенной, так и в случае существ, ее населяющих. Да, именно Он конструирует эту Вселенную, именно Он настраивает ее механизмы. Да, именно Он исправляет их, когда они приходят в упадок, но при всем этом его сущность всегда остается за кадром, вовне, откуда Он и руководит механическим функционированием имманентного Театра Теней. Эта отдельность, отделенность Бога-Творца, его вынесенность за рамки, придает иудаистскому религиозному сознанию скептическое отношение к космологии, к мифологии, ко всем тем аспектам Традиции, которые, напротив, тем или иным образом акцентируют либо имманентность, либо Абсолютное Единство Принципа. В этом смысле иудаизм бескомпромиссен, и дистанция Твари от Творца никогда не уменьшается, никогда не преодолевается, будь то во времена страданий и диаспоры или в Великий

Шаббат, в эпоху хилиазма («тысячелетнего царства»). И темная сторона этой дистанции конденсируется в гротескном образе Голема, унылого человеко-аппарата, вбирающего в себя всю безысходность раз и навсегда сотворенного, раз и навсегда отторгнутого от Бога Бытия. В Големе иудей видит не просто нечто внешнее, забавное или печальное, в нем он видит самого себя, свое «Я» и свой собственный народ, избранный среди других не в силу героических или жертвенных достоинств, а в силу своего бездонно-отчаянного знания об Абсолютности Тщеты, через которую выражается в Бытии абсолютность дистанции между Творцом и Тварью. Иудейский гнозис — это гнозис отчаяния, и поэтому максима Экклезиаста — «умножающий познание умножает скорбь» — в первую очередь относится к познанию Израилем Бога, а равно и к познанию им самого себя».

Иудейский богослов *Исаак Лурия* в своей доктрине «Цимцум» дал точную метафизическую формулировку сущности иудейской «големичности». В ней говорится, что основным содержанием Бытия является процесс «сокращения Божественного», Стягивания Бога к его невидимому центру, сужение Принципа, его исход из изначальной полноты (Плеромы) божественных потенций. Таким образом Творение является следом Божественного Исхода.

Следует это объяснить.

Цимцум, дословно означает «сжатие» (ивр. צמצם), — процесс сжатия бесконечного Бога, в результате которого образуется пустое пространство (техиру).

Понятие *цимцум* вводится в целях разрешения противоречия того, что вначале был Бог, который заполнял все бесконечное пространство и вне и внутри которого ничего не могло быть.

Согласно учению Лурии, после *цимцум* совершился процесс божественной эманации: В мире Принципа существовал Духовный Архетип, Адам Кадмон, Перво-форма. Он был полон и совершенен. Но он решил излить свою полноту вовне. Для этого он подготовил десять сосудов, то есть десять сефир («сефира» по-еврейски «цифра», а «сефер» — «книга», две идеи, одинаково заключенные в каббалистической концепции сефир). Он расположил их иерархически, чтобы наполнить каждую из сосудов светом, исходящим из своих собственных соответствующих архетипических частей.

Однако этот процесс завершился неудачей. Семь нижних сосудов разрушились, Божественный свет частично рассеялся в пустоте, а из осколков разбитых сфирот образовались *клипоты*. Процесс разрушения И. Лурия назвал *шевират ха келим* (ивр. הכלים שברו: разбиение сосудов).

Степень материализации и разобщенности, сознанием которых проникаются сотворенные существа, возрастает по мере их удаления от источника, эманацией которого они являются. Существа, ближайšie к своему источнику, сохраняют наивысшую степень единения и союза; тем же, которые дальше отстоят от источника, присуща большая мера независимости и разобщенности. Низшая ступень этого процесса эманации соответствует сфере почти полной разобщенности. Эта сфера называется *ситра ахра* («обратная сторона»). Она замыкается *клипот* (буквально: «скорлупа»), поскольку их «оболочка» совершенно затмевает Божественный Свет, которому они обязаны своим существованием.

Так же хотелось бы привести мысль *Исаака Башевис-Зингера*, с которой многие могут не согласиться, но которая имеет место быть: «...каббалисты выдвигают особую теорию относительно «демонической Шекины». «Шекина» — это дословно «обитель», но в иудейской мистике этот термин обозначает «присутствие Бога», его «имманентную самость», и иногда его «Жену», его «энергию», его обособившуюся проекцию. Хотя в целом, концепция «Шекины» несет в себе позитивный смысл, подчас каббалисты говорят о «Шекине в изгнании» или даже о «демонической Шекине», «Вавилонской Блуднице», оставленной Мужем-Богом и впавшей в бездну материи и греха. Эта «демоническая Шекина» воплощает в себе ту часть Света, пролившегося из разбитых сосудов, которая не вернулась к Адаму Кадмону. Эта «демоническая Шекина» является парой к фигуре Голема и являет с ним символ скорби и совершенного неведения».

Процесс реинтеграции получил название *тиккун* (ивр. תיקון, исправление). Стабильные сфироты обретают самосознание и превращаются в пять космических личностей *парцуф* (духовное тело). Сохраняют свое бытие в новом качестве 3 высших сфироты, рядом с которыми появляется супружеская пара Зеир Анпин (ивр. ז"א א"פ: Малый Лик) и Шехина в своем позитивном аспекте.

Практически это реализуется благодаря религиозному опыту осуществления Торы и Мицвот во время земной жизни.

Это освобождение от клипот, разрушение скорлупы метафизического яйца, после чего последует возрождение Феникса.

Г. Шолем отмечает тот факт, что некоторые традиционные источники самого Адама, Перво-человека, рассматривают как Перво-Голема, в которого Бог вдохнул душу. Раввины оживляли своих глиняных кукол, вкладывая им в рот пентаграммы или вычерчивая теургические заклинания, что служило им аналогом «души». Согласно еврейской каббалистической мысли, если Перво-человек был Големом, то и последние люди (т.е. иудейская община), ведомые Мессией будут единым Големом, уравненным по нищете со скорбью Вселенной, Вселенной, пребывающей в вечном метафизическом изгнании.

Любопытно подчеркнуть это соответствие между душой и именем, прибегнув к совершенно иной традиции — к индуизму, где собственно душа называется «нама», т. е. «имя».

Главным недостатком Голема была неспособность говорить. В Синедрионе 65b описывается, как Рава создал Голема, используя книгу Сефер Йецира. Он послал Голема к Рав Зейра; Рав Зейра обратился к Голему, но тот не отвечал. Тогда Рав Зейра сказал: «Я вижу, ты был сотворен одним из наших коллег; возвращайся к своему праху».

Оккультная традиция огромное значение придает Речи, Слову. Именно язык является для многих магических школ Запада и Востока качеством, приближающим человека к духовному миру: с этим связана концепция Логоса. Голем - немая машина - символ человека без духа, пустой формы, реагирующей лишь на внешние механические раздражители и слепо подчиняющейся воли манипулятора.

Голем — это «скорлупа», *клипот*, лишенная духовного, божественного света материя. В Големе разоблачается демоническая природа обыденного, поэтому его появление в еврейском квартале каждые 33 года вызывают такую тревогу и ужас у населения.